

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 459-469
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.459

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Image of the Turkestan Region of the early XX century in the Diary Entries of Priest V. Ilarionov

Assemgul M. Koskeyeva ^{a,*}, Zibagul S. Ilyassova ^b, Barshagul K. Issabek ^c, Bakyt S. Tokmurzayev ^d

^a S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Zhanibekov university, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article explores the potential of sources of personal origin in constructing the image of the Asian periphery of the Russian Empire. The aim of this paper is to reveal the perceptions of church ministers about the Turkestan region based on the ego-text of priest V. Ilarionov, who represents Turkestan in the system of coordinates of the categories “own”/“foreign”, which are the basis for the reception of the region in the power and socio-political discourse. The source base of the work is the diary of a priest published in 1906–1911 on the pages of the journal ‘Turkestan Diocesan Vedomosti’. The personal diary as a source, mastered in the article by the method of discourse analysis, widely used in modern source study, opens up prospects for a more complete description of imperial projects of colonisation of the eastern suburbs, as well as dynamically changing perceptions of the authorities and society about the administrative tasks in the Turkestan region and the ways of their implementation. In the course of the research, we have revealed priest V. Ilarionov's perceptions of the Turkestan region in the early twentieth century: markers used by the author of the diary to identify and separate the ‘own’ from the ‘strangers’; signs of these categories in the reception of the Russian Orthodox Church figure. The components of the image of Turkestan, in the representations of the priest's diary, as well as the factors that influenced the construction of the image of the region in a long-time perspective are determined. It has been established that V. Ilarionov's representations of Turkestan are based on the image of Turkestan. Ilarionov's perception of the Turkestan region was based on the inertial perception of the region in the rhetoric of the enlightenment-progressive ideology, which implied ‘reading the other’ as an uncivilised subaltern with respect to which active cultural regression is possible. At the same time, immersion in the problems of administrative, economic and socio-cultural everyday life in Turkestan led to the reformatting of ideas about territorial organisation, population, and communicative practices within the boundaries of the Russian Empire. The image of Turkestan created by the author went beyond the categorical imperative of ‘own’ / ‘foreign’, acquired features of dynamism, transformed into a multilayered and contradictory intellectual construct, which largely testifies to the ambiguity of the Orientalist approach in assessing the eastern policy of the Russian Empire in the early twentieth century.

Keywords: Turkestan region, East, image, representations, personal diary, ‘Turkestan Diocesan Vedomosti’, priest V. Ilarionov, representations.

1. Введение

В системе имперской политики России второй половины XIX – начала XX вв. восточному её вектору уделялось особое внимание, что непосредственным образом вписывается в дискурс Востока,

* Corresponding author

E-mail addresses: koskeeva@mail.ru (A.M. Koskeyeva), zita.o8@mail.ru (Z.S. Ilyassova), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

становление которого происходило в «шлейфе» европейского колониализма и оформления колониальных теорий как продукта просветительских идей XVIII столетия. В данном отношении строительство и трансляция образа Востока как «Другого» являлись важным элементом ментального освоения пространств, маркируемых в качестве «своих» или «собственного Востока России» (Тольц, 2013). Общеизвестно, что XVIII в. стал временем экспоненциального роста интереса европейцев к Востоку, в ментальных границах которого европейские интеллектуалы – прежде всего ориенталисты Британской и Французской империи, актуализировали тезис, сообразно с которым цивилизованный Запад, являясь носителем знания о нецивилизованных народах, имеет все основания для ментального конструирования и подчинения Востока. В 1970-х гг. XX столетия ориенталистские представления были продекларированы в трудах Э. Саида, полагавшего, что знания и власть, которыми обладал Запад в эпоху колониальных захватов, являются достаточным основанием для последующего господства над Востоком и его перманентного переизобретения (Саид, 2021).

В этой связи в конструирование образа Востока в целом и Туркестанского края, интегрируемого в имперское поле с 1860-х гг., был вовлечён широкий круг лиц, принимавших активное участие в колонизационном деле. Имперские эксперты – чиновники, учёные, литераторы, публицисты, служители церкви, транслируя представления об азиатской периферии, отталкивались от универсального ориенталистского тезиса, сообразно с которым цивилизовать Восток можно исключительно посредством русской культурной ассимиляции. Вместе с тем в российском обществе начала XX в. под влиянием процессов экономической и социокультурной модернизации представления об окраинных территориях и инструментальных принципах их инкорпорации в общеимперское пространство подвергались видимой коррекции. Подобная динамика может быть прослежена на материалах личных текстов (дневников) священнослужителей, чьи функции в ситуации отдалённости от центра, этнокультурной и конфессиональной мозаичности азиатской периферии, не ограничивались благотворительностью или формальным выполнением своих служебных обязанностей.

Транслируя в личных материалах представления о регионе, сообщество деятелей Русской православной церкви в своих наблюдениях и выводах, с одной стороны, стремилось соответствовать основным «трендам» государственной политики в Туркестанском крае: активному русификаторству средствами образования и переселенческого движения, культурному выравниванию методами христианизации и «умиротворения» сторонников ислама, знаковой функциональной роли российского администрирования, а с другой – непосредственное соприкосновение священников с разными аспектами организации российского присутствия в Туркестане существенно корректировало шаблонный образ региона, наполняя его новыми коннотациями.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении компонентов образа Туркестана, конструируемого в личном дневнике сельского священника В. Иларионова, как динамичных, менявшихся представлений о регионе в контексте реализации имперского проекта колонизации / освоения приобретённых военным путём территорий в 1860-х гг.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы личного дневника священника В. Иларионова, публиковавшегося в неофициальной части газеты «Туркестанские епархиальные ведомости» (издание Туркестанской епархии, г. Верный) в 1906–1912 гг., в которую обычно включались такого рода тексты. В силу обширности материала, предлагаемого изданию штатными и внештатными корреспондентами, редакционная коллегия не имела возможности компактной публикации дневника, размещая его отдельными фрагментами по мере поступления от автора и наличия свободных полос в журнале.

Служебная карьера В. Иларионова, стартовавшая ещё в конце XIX века в Семиречье, в период 1906–1912 гг. продолжилась в центральной части Туркестана, активно включаемого в ареал аграрно-земледельческой колонизации. Являясь непосредственным участником событий и активным актором сообщества служителей РПЦ, В. Иларионов на страницах своего дневника репрезентировал не только собственные представления об окружающем его мире, но и в значительной степени конструировал представления о Туркестанском крае в системе координат интеллектуальной коммуникации социальных групп и сообществ региона в реализации имперских проектов России второй половины XIX – начала XX вв. По справедливому замечанию Л. Манчестер и Д. Сдвижкова, дневники служителей церкви и миссионеров, выполнявших служебные поручения на восточных окраинах империи, являют собой сакральный травелог паломничества, а описание в личных текстах пространства и времени – воплощение потребности образованных людей к самовысказыванию (Манчестер, Сдвижков, 2009: 12), что было характерным интеллектуальным феноменом Нового времени.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае являлась важным элементом имперской религиозной политики. Взаимодействие православных миссий с местным населением и механизм их адаптации к колонизационным условиям рассмотрены в ряде современных исследований (Mamraimov et al., 2024).

Вопросы миссионерской деятельности Русской православной церкви на окраинах империи, в том числе в Степном крае, были исследованы в работе Мамраимова и др., где анализируется религиозная политика и взаимодействие церкви с местным населением.

В методологическом отношении инструментальный фундамент статьи, посвящённой конструированию образа Туркестана в дневнике В. Иларионова, составляют гипотезы и выводы гуманитариев, отстаивавших предположение о продуктивности конструктивистского принципа описания исторической реальности. Фронтмену данного направления Б. Андерсену принадлежит тезис о нации как воображаемом сообществе, а в трудах его последователей развивалась идея о том, что регионы являются такими же воображаемыми объектами, конструируемыми в индивидуальном и массовом сознании (Андерсон, 2001; Миллер, 2001; Замятин, 2003; Родигина, 2006; Чуркин, 2024а; Чуркин, 2024б).

Тему конструирования образа Туркестанского края в дневниках священников проблематично раскрыть без обращения к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», поскольку подходы и практики к имперской политике населения на окраинах России являлись следствием представлений о регионе. В этом аспекте видится актуальным обращение к теории дискурса и методу дискурс-анализа, который ориентировал исследователей не к фиксации сюжетов прошлого, а к их интерпретации, в которой текст выражает этические, идеологические взгляды автора на реальность, его культурные и нравственные конвенции (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Фуко, 2011; Миньяр-Белоручева, 2015: 10).

3. Обсуждение

Тема регионов Российской империи как воображаемых конструкторов достаточно успешно осваивается в современном гуманитарном знании, располагаясь в междисциплинарном поле имагологических и исторических исследований. В отечественной историографии конца XX – первой четверти XXI вв. отсутствует устойчивое и однозначное определение понятия «регион», однако в работах, посвящённых проблемам организации имперского пространства России в широких хронологических рамках, имеет место согласие историков в том, что регионы не существуют, пока действующие исторические акторы не выведут его из забвения (Регионы..., 2021: 11). По мнению ряда учёных (Э. Хобсбаум, Э. Гелнер и др.), функцию таких акторов выполняют представители интеллектуальных элит – имперские эксперты, широкий круг которых составляли представители различных социальных и профессиональных групп: имперские чиновники, учёные, общественные деятели, служители церкви и т.д. Сюжеты конструирования образов регионов, в том числе Туркестанского края, представлены в работах зарубежных и отечественных авторов, вошедших в пантеон исторической имидженологии. Так, в работах А. В. Ремнёва и Н. Н. Родигиной выявлены содержательные компоненты образа Сибири как части картины мира российских интеллектуалов (Ремнёв, 2004; Родигина, 2006); в трудах М. Бассина предложены варианты конструирования географического пространства Российской империи и её окраин (Бассин, 2005); в монографии П. Сартори производится попытка воссоздания образа русского Туркестана через осмысление правовых элементов традиционного общества (Сартори, 2022).

Продуктивность разработанных в историографии подходов к категории «образ региона» предоставляет исследователям возможность в постоянном расширении круга лиц, чьи личные тексты с описанием пространств и людей, инкорпорируемых в состав России, вносят неоценимый вклад в формирование представлений о регионах, ставших объектом имперского влияния.

4. Результаты

Исходным мотивом конструирования образа региона (Туркестанского края) на страницах дневника священника В. Иларионова выступало коммуникативное согласие российской интеллигенции в том, что Россия идёт путём европейской цивилизации и является не многонациональной империей, состоящей из метрополии и зависимой колониальной периферии, а национальным государством в стадии формирования (Беккер, 2004: 77). В сознании образованного обывателя данный тезис выступал как обоснование цивилизаторских действий в отношении так называемых «нецивилизованных» народов, а окраины маркировались не в качестве колоний, а как «собственный Восток» России, нуждавшийся в административно-культурной интеграции в имперское пространство.

Представление о Туркестанском крае как «русской земле», своей территории, отливало на страницах дневника священника В. Иларионова в описании Ташкента – главного города региона и генерал-губернаторской резиденции как своеобразный «слепок» России. По ощущениям автора дневника, именно Ташкент является разделительной чертой между чужим, туземным Туркестаном, где только «люди в халатах с белыми тюрбанами на головах», «дороги плохи, лошади никуда не годны» и «почти внутренней Россией... с газовым освещением, шоссированными улицами, рессорными экипажами» (Иларионов, 1906а. № 2: 17). Демаркация по критерию «свои – чужие» в дальнейшем актуализируется в описании священником ташкентского железнодорожного вокзала, который «полон народу, и преобладающая публика – сарты..., для них предназначаются особые вагоны 3-го класса; ни русские к ним, ни они к русским не допускаются...» (Иларионов, 1906а. № 2: 18).

Направляясь к месту службы, следуя через города и станции Туркестанского края, В. Иларионов в описании своих впечатлений придерживается выбранной им линии отделения своих от чужих, в основе которой религиозная, социальная, этническая, культурная идентичность священника как типичного представителя профессионального сообщества лиц духовного звания. Маркируя «своих» и «чужих», священник противопоставляет отсталость прогрессу, опираясь на эту дихотомию при характеристике образа жизни, поведенческих практик, мировоззрения всех категорий населения Туркестана: сартов, киргизов, инославных групп, переселившихся в регион.

Этнический и религиозный критерии в конструировании образа Туркестанского края В. Иларионов рассматривает как один из определяющих его отношение к региону, как к «своему» – исконно русскому, православному и «чужому», не типичному, «другому», что воспринимается и репрезентируется в тексте дневника как отклонение от нормы. Так, проезжая через г. Коканд, Иларионов сетует на качество тракта, его техническое обеспечение и обслуживающий персонал, рельефно выделяя мир «чужих», в том числе и по религиозному маркеру: «Экипажи без кибиток, трясушие, русские тарантасы, крестьянские ямщики и старосты какие-то оборотни, должно быть молококане, как и сам почтосодержатель Рудометкин» (Иларионов, 1906b. № 3: 29). Признавая, что Коканд – крупный город, имеющий множество торговых складов и хлопкоочистительных заводов, Иларионов сетует: «...но церкви ещё настоящей нет...» (Иларионов, 1906b. № 3: 29).

«Свои» для автора дневника ассоциируются с привычным для выходца из Европейской России укладом, который он определяет как «европейский». В описании В. Иларионовым г. Намангана регулярно встречаются позитивно окрашенные риторические конструкции: «станция оказалась всех лучше», «есть хорошенькая каменная церковь», «много хлопковых заводов», «свистки, пыхтение паровика, высокие заводские трубы – это пахнет чем-то европейским» (Иларионов, 1906b. № 3: 29).

В описании православным священником национального праздника сартов (байрам) явно присутствуют иронические нотки и недоумение по поводу организованных местным населением скачек, а также постоянного скопления сартов в общественных местах, что идёт вразрез с представлениями христиан о проведении праздничных обрядов (Иларионов, 1906a, b. № 2: 17; № 3: 29). Вместе с тем ощущение «чужого» (не европейского и не русского) возникали у Иларионова и при контактах с малороссами, составившими большую часть его паствы в первые годы служения в Туркестане. На страницах дневника священник сетует на то, что разговорная речь крестьян-малороссов, выходцев из Киевской губернии, малопонятна и состоит из большого количества польских слов; религиозные обряды в нюансах отличаются от великороссийских, но больше всего признаки «другого», чуждого русской культуре проявляются в одежде и быте: «Большинство мужчин и женщин одеты в тёмно-коричневые суконные кафтаны, женщины в сарафанах и стародавних платьях... Смотря на их национальные костюмы, невольно переношишься мыслью на тридцать-сорок лет назад, когда все русские так одевались... Малороссы бань не знают. Не понимаю, как они могут так жить» (Иларионов, 1906c. № 4: 40-41).

Вообще, тема малороссийского крестьянства очень широко представлена в дневнике священника В. Иларионова. Её репрезентация позволит говорить о сложном отношении автора к данной этнической группе. С одной стороны, священник постоянно упоминает о частых девиациях малороссов в исполнении обрядово-ритуальных действий во время церковных служб (иконы не так держат, в крестных ходах участвуют редко) или практиках вызова невест из Киевской губернии, искренне возмущаясь, что «всё-таки здесь пахнет пережитком старины» (Иларионов, 1906d. № 7: 239-240). С другой стороны, автор отмечает, что «привоз девиц – нормальное дело для колоний и других, более передовых наций...» (Иларионов, 1908a. № 7: 640), а в смысле прочности брачных союзов малороссы отличаются от великороссов в лучшую сторону (Иларионов, 1908a. № 7: 642-643). В целом, если образ малоросса как «чужого» прописан В. Иларионовым достаточно амбивалентно и с надеждой, что в скором времени несходства культурного характера нивелируются в русскоязычной среде, то оценка деятельности иноверца-еврея, взявшего подряд на строительство церкви, абсолютно соответствует категории «чужой»: «Еврей старается более о том, чтобы денег вытянуть побольше от инженера..., рабочих обсчитывает, киргизы дров не везут, потому что заплатил им мало» (Иларионов, 1907b. № 4: 29).

Сюжет о «чужих», разлитый по страницам дневника, неожиданным образом преломляется в истории о миссионерской сфере деятельности священника В. Иларионова и крещении тех представителей коренного населения, которые выражали согласие принять христианство. В коротком свидетельстве автора особый интерес представляет его реакция на намерения одного из сартов перейти в православную веру: «Месяц назад явился ко мне один сарт и заявил, что желает принять христианскую веру. Ходил он ко мне, учился..., но объяснение заученного что-то не поддаётся, плохо понимает: может быть, потому, что он жил всё у малороссов, привык к малороссийской речи...» (Иларионов, 1907d. № 20: 510). В конечном итоге В. Иларионов отказал просителю под благовидным предлогом слабой подготовки к вступлению в православную веру, но, по всей вероятности, фактор влияния малороссов повлиял на его решение.

Ввиду того обстоятельства, что в начале XX в. Россия оказалась вовлечена в водоворот социальных конфликтов и революционных потрясений, образ окраинных территорий,

конструируемый на страницах епархиальных периодических изданий, подвергся значительным изменениям. «Туркестанские епархиальные ведомости», публикуя в эти годы фрагменты личных текстов священнослужителей, были заинтересованы в создании дополнительных «площадок» воздействия Русской православной церкви на реальную и потенциальную паству с точки зрения снижения социального напряжения в обществе. В свою очередь, представители клира, публиковавшие фрагменты своих дневников, имели возможность информировать власть и общество региона о том, как меняются их представления о социальной ситуации в крае и перспективах его освоения. В связи с этим нельзя не отметить, что образ «своего» и «чужого» Туркестана в ситуации социальной турбулентности менялся и наполнялся дополнительным содержанием.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что успешное «освоение» отдалённого региона служители церкви в лице В. Иларионова связывали с деятельностью местной губернской администрации. Именно власть, по мнению Иларионова, олицетворяла «свой» Туркестан. Практически во всех опубликованных в журнале фрагментах дневника священник В. Иларионов обращает внимание читателя на организационное присутствие властных структур или символов имперской власти. В стартовый момент движения к месту службы Иларионов отмечает в своих записях русские посёлки, возведённые при участии Великого князя Николая Николаевича, в которых даже «сартовские кишлаки узкими, тесными улицами утопают в зелени садов..., все арыки обсажены тутом, талом, тополями» (Иларионов, 1907а. № 2: 18). Заметное место в дневнике В. Иларионова занимают коммуникации с губернским начальством: по пути к своему приходу в селе Успенское, во время краткой остановки в Ташкенте, священник фиксирует: «Нужно было непременно повидать губернатора, да его нет дома, уехал в Андижан раздавать пособия пострадавшим от землетрясения» (Иларионов, 1906b. № 3: 28). В дальнейшем автор методично будет подчёркивать выдающуюся роль туркестанских управленцев как «учредителей русского Туркестана», стремившихся вникнуть в чаяния и проблемы, прежде всего, своих соотечественников. Показательно, что, репрезентируя высшую администрацию в личных текстах, Иларионов постоянно указывал, что губернаторы являлись своеобразным эпицентром коммуникативного пространства власти; вокруг них группировались представители местных элит: духовенство, учителя, инженеры, приставы, уездные начальники (Иларионов, 1907с. № 6: 97). Включённость в общегосударственное дело через личные контакты с властью, с точки зрения священника, являлось основанием для осуждения революционной, тем более террористической активности противников режима, как явления глубоко чужеродного. Негативно оценивая покушение на приближённого губернатору чиновника особых поручений П., В. Иларионов гневно именует организаторов и исполнителей террористического акта «народными просветителями, совершающими разбойничьи расправы над чинами полицейскими и административными» (Иларионов, 1908b. № 20: 643).

Образ «чужого» Туркестана в дневнике В. Иларионова дополняется детальными описаниями социально-девиантного поведения крестьянства, попавшего под влияние радикальных политических сил в период Первой русской революции. Священник связывал факты асоциальных поступков соотечественников с утратой религиозного чувства и моральной деградацией сельского населения: «Объявили «свободы» и «воли» – пошли везде своеволие и пьянство» (Иларионов, 1907е. № 24: 644). В. Иларионов в период 1907–1909 гг. с тревогой пишет о малой воцерковлённости русских крестьян Туркестана, равнодушии к церковно-обрядовым практикам, широком распространении языческих предубеждений и сектантства. По мнению Иларионова, ослабление религиозности крестьян проявлялось и в неуважительном отношении к другим религиям, что инициировало конфликты на национальной почве. Автор рассказывает историю о том, как крестьяне ловят рыбу в местах, которые почитаются у мусульман как святыни, «преспокойно разворотили плотину, спустили воду, на уговоры прекратить это занятие не поддаются...» (Иларионов, 1907d. № 20: 508). Наибольшее возмущение у священника, судя по всему, вызывало неповиновение местным властям, что воспринималось им как очевидный конфликт «своего» и «чужого» в Туркестанском крае. Иларионов констатировал: «Здесь крестьяне почувствовали свободу, обратив её в своеволие и грубость. Недавно был здесь уездный начальник. Собрал сельский сход. На сход явилось много пьяных; многие говорили с ним дерзко...» (Иларионов, 1907е. № 24: 644). Вместе с тем автор писал и о поддержке со стороны своих прихожан, «которые во время хождения по домам в праздники ругали и осмеивали зачинщиков митингов и забастовок» (Иларионов, 1907е. № 24: 645).

Комментируя на страницах дневника последствия революции для туркестанского социума, В. Иларионов с сожалением отмечал нереализованность имперской программы культурной интеграции коренного населения региона вследствие вредного влияния событий 1905–1907 гг., ставших препятствием к созданию русского Туркестана. По мнению автора, «...сарты настолько честны были первые годы... А теперь? Появилось конокрадство, воровство. Конечно, виноваты во многом сами крестьяне; они показывают дурной пример: сами нечестны и в отношении к сартам, и между собой...» (Иларионов, 1909а. № 3: 71).

К числу основных характеристик образа Туркестанского края, создаваемого в личном дневнике священника В. Иларионова, следует отнести *инерционность* представлений автора о регионе, свойственная сообществу русских «цивилизаторов» XIX столетия. Инерция представлений о

нецивилизованных народах азиатской периферии России в текстах путешественников, чиновников, учёных-востоковедов транслировалась в трафаретной риторике «человека власти и культуры», носителя знания: «...с этими джатаками ничего не поделаешь, выстроишь им избу, дашь лошадей, коров и другую скотину..., а он, злодей, продаст втихомолку хлеб на корню и купит себе юрту, расставит её на гумне и свистит целую зиму в кулак» (Пашино, 1868: 4). В. Иларионов, следуя тем же просветительно-цивилизаторским курсом, наделяет «чужих» – коренных обитателей края – качествами, требующими культуртрегерских усилий со стороны «своих» – российской власти и общества: «туземный учитель обладает хорошим голосом, мастер своего дела, но к несчастью имеет большой запас лени» (Иларионов, 1910а. № 19: 423); «окрестили здешнего сарта..., но я всё сомневался в его искренности» (Иларионов, 1908а. № 7: 240) и т. д. Отметим, что покровительственное или настороженное восприятие автохтонов как «чужих» во многом поддерживалось государственной политикой землеобеспечения в Туркестанском крае, в основе которой лежал принцип «охранения» землепользования коренного оседлого населения – сартов и кочевников-киргизов. Культурное превосходство русских, транслируемое на страницах дневника священника В. Иларионова, явно диссонирует, по мнению автора, с широкой государственной поддержкой земледельческих практик инородцев, которые «преспокойно получают с русских мужиков по 6-8 рублей в год арендной платы за десятину» (Иларионов, 1909б. № 5: 128), и «везде туземец извлекает выгоды...» (Иларионов 1907. № 4: 29).

Отметим, что в беспокойные революционные годы, в условиях эскалации преступности, от инерции цивилизаторского апломба не оставалось и следа. Возвращаясь из служебной командировки в свой причт, В. Иларионов столкнулся в поезде с шайкой карманников. Не желая подвергать себя опасности, священник выбрал самое надёжное место: «Я сел в купе с сартами; заперлись и преспокойно спали» (Иларионов, 1909б. № 5: 126).

Инерционность образа Туркестана в связи с представлениями о коренных обитателях как нецивилизованном народе с течением времени существенно видоизменялась под воздействием регулярных контактов русского и местного населения. Рост крестьянских переселений, отсутствие внятной политики и практик обустройства мигрантов из Европейской России, специфика природно-климатических условий Туркестана, к которым местное население было лучше адаптировано, наглядно демонстрировали преимущества организации хозяйственной деятельности туземного населения. В. Иларионов констатировал: «Туземцы оказывают нам большие материальные услуги во всём. Так мы ехали от Намангана до Маргелана вдвоём за 6 рублей на арбе. Проехать с русским стоило бы не меньше 15 рублей. Номер в гостинице, содержимой русскими, – от 2 до 3 рублей, а в сартовской – от 50 копеек до 1,5 рублей. Посев хлопка, риса без сарта невозможен. Овощи дешевы здесь благодаря сартам» (Иларионов, 1907б. № 4: 29).

Очевидно, что с течением времени инерционность и однозначность конструкта образа Туркестана уступала место *противоречивому* восприятию региона, а рецепция акторов, его строивших, отличалась *динамичностью*. В данном отношении представления В. Иларионова о Туркестане, равно как и последующая репрезентация их в тексте личного дневника, являлись следствием множества внешних и внутренних факторов: продолжительности проживания в регионе, коммуникативной среды, материального положения и т. д.

В современных исторических исследованиях, написанных в междисциплинарном ключе, признаётся, что перемещение индивидов и социальных групп в новые обстоятельства, характеризующиеся необычной природной и этнокультурной средой, приводят к значительным изменениям межличностных контактов, социального статуса, жизненных стереотипов, сложившейся системы взаимодействия с окружением и неизбежно требуют пересмотра установок, отношений, представлений о социальных ролях таким образом, чтобы они были адекватны вновь сложившимся условиям (Чуркин, 2006: 283-284). Дневник В. Иларионова, составляемый в хронологических границах 1906–1911 гг., предметно фиксирует стадии адаптационных циклов церковного служащего и стратегии его адаптивного поведения в системе «человек-среда», в границах которых менялись представления автора об окружающем мире и своём месте в нём. Подводя предварительные итоги своей жизни в Туркестане, Иларионов констатирует, что в первые годы службы ему приходилось нелегко, но мрачные прогнозы и пророчества коллег, оставшихся в Европейской России, не оправдались (Иларионов, 1909а. № 3: 70). Тем не менее автор дневника выделяет ряд негативных моментов в своей бытовой и производственной повседневности, которые выступали в качестве неблагоприятного фона формирования представлений о Туркестанском крае: «служба была беспокойна и оплачивалась скудно»; «в приходе было полное неустройство»; «подчас злоба и зависть бывали к здешним служителям, занимавшим спокойные и обеспеченные приходы, Бог знает, за что получившим» (Иларионов, 1909а. № 3: 70).

Вчитываясь в текст дневника священника В. Иларионова, можно высказать предположение, что перед нами личность аффективно-ригидного типа (Чуркин, 2006: 291), для которой переезд на новое место означал следование выбранному пути беззаветного служения и ясного понимания своей высокой профессиональной миссии. Тем не менее включение в иную, нежели в европейской части страны, социокультурную среду естественным образом предполагало последовательное движение по адаптационной лестнице. Показательно, что в начальной фазе этого процесса, связанной с

перемещением к месту службы в декабре 1906 г., Иларионов испытывал чувство, близкое к эйфории. После нескольких лет жизни в «семиреченском захолустье» калейдоскопические картины Ташкента воспринимаются им в необычайно ярком свете и создают весьма обманчивое, но укладывавшееся в эволюционистскую схему представление о Туркестане как исконно русском крае, идущем по европейскому пути прогресса (Иларионов, 1906а. № 2: 17). Но уже 4 января, по прибытию к месту службы в село Успенское, настроение священника меняется, а образ Туркестанского края бледнеет: «село не понравилось», «в церкви теснота», «разговор малороссов плохо понимаю», «дети в школу ходят неисправно», «дорога – грязь непролазная» (Иларионов, 1906б. № 4: 39-42). Негативные впечатления, корректирующие одиозный образ Туркестана как «своей», русской земли, усиливаются у Иларионова в связи со страшным событием – самоубийством одного из сельских священников, который покончил с собой «вследствие перевода из хорошего, богатого прихода в плохой, бедный» (Иларионов, 1907д. № 20: 508).

В конце 1907 – начале 1908 гг., когда основные бытовые проблемы, а также острые вопросы, связанные с функционированием прихода, были в основном решены, восприятие В. Иларионовым региона начинает меняться. Конструирование в личном дневнике образа Туркестанского края как «своей», русской земли заметно усложняется и становится *многослойным*. Если в начальный период своей профессиональной деятельности Иларионов рельефно идентифицирует «свой», русский Туркестан, исключая из этой системы координат коренное население, то по мере интеграции в производственную повседневность, установления контактов с различными группами населения и сообществами, понятия «свой» и «чужой» в отношении Туркестанского края в тексте священника обрастают дополнительными коннотациями. В. Иларионов, ранее скептически оценивавший колонизационный потенциал крестьян-малороссов, с некоторым удивлением признавал, что и выходцы из великороссийских губерний не представляют собой качественного колонизационного материала. По свидетельству священника, русские крестьяне-переселенцы не смогли стать «своими» в крае, обустроиться на новом месте, в результате чего были вынуждены продавать земельные участки, перемещаясь в города или на заводы (Иларионов, 1910б. № 24: 542; 1911. № 1: 148). Одно из самых интересных наблюдений Иларионова заключалось в том, что русское крестьянство, попадая в Туркестанский край из разных губерний Европейской России, «никак не может сплотиться в общество» и, вопреки ожиданиям, не оказывает значимого культурного влияния на коренное население – сартов. Более того, перефразируя одно из замечаний В. Иларионова об отсутствии сближения сартов и русских ещё на уровне русско-туземных школ, прогнозируемое стирание культурных различий между этническими сообществами Туркестана как условие «освоения» автохтонов и создания «большой русской нации» оказалось неосуществимым (Иларионов, 1908с. № 22: 722).

Наряду с низкой оценкой русского культуртрегерства, священник в личном дневнике приводит примеры, свидетельствующие о хозяйственных достижениях коренного населения, а также выходцев из малороссийских губерний, удачно вписавшихся в проекты хлопководческого земледелия, в то время как в русских посёлках широко распространяются безверие и пьянство (Иларионов, 1908с. № 22: 702). Заметим также, что характерное для стартового периода службы Иларионова зачисление в стан «своих» представителей региональной администрации подвергается автором критическому переосмыслению: «За последние шесть-семь лет два раза были в селе губернаторы, но они мало обращают внимания на здешних новоселов, ограничиваясь посещением церкви и училищ» (Иларионов, 1908с. № 22: 702).

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что образ Туркестанского края, репрезентируемый в тексте личного дневника священника В. Иларионова, характеризовался стандартными для такого рода интеллектуальных конструкторов свойствами: инерционностью, противоречивостью и многослойностью. Представления автора дневника о Туркестане складывались под влиянием инерции восприятия в российском обществе азиатской периферии как органичном продолжении имперского пространства, нуждавшемся в приложении культуртрегерских усилий, рассматриваемых в качестве приоритетного условия социальной, этнической, религиозной унификации. Инерционность рецепции Туркестанского края являлась для В. Иларионова императивом в конструировании разделённых полей: «своей», русской земли и «чужого», «другого» Туркестана, который необходимо встроить в социокультурное пространство империи. Следует, однако, учитывать, что строительство образа в границах продолжительной временной перспективы всегда отличается динамичностью, что во многом связано с меняющимися обстоятельствами повседневной жизни и адаптивными практиками носителя представлений. Факторы повседневности автора дневника (личное обустройство в границах прихода, внешнее окружение, алармистские ситуации социальной конфликтности) корректировали его представления о возможностях и перспективах культурной интеграции Туркестанского края. До некоторой степени динамика этих представлений может рассматриваться в контексте рефлексии властью и образованным обществом потенциала имперской

программы «освоения» Туркестана и оценки эффективности практик империостроительства в восточных пределах России на рубеже XIX-XX вв.

Литература

- Андерсон, 2001** – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Кучково поле», 2001. 288 с.
- Бассин, 2005** – *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. С. 277-310.
- Беккер, 2004** – *Беккер С.* Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 68-77.
- Замятин, 2003** – *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Иларионов, 1906a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 2. С. 17-19.
- Иларионов, 1906b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 3. С. 27-30.
- Иларионов, 1906c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 4. С. 39-42.
- Иларионов, 1906d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 7. С. 236-241.
- Иларионов, 1907a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 2. С. 16-19.
- Иларионов, 1907b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 4. С. 26-30.
- Иларионов, 1907c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 6. С. 97-100.
- Иларионов, 1907d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 20. С. 506-510.
- Иларионов, 1907e** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 24. С. 642-645.
- Иларионов, 1908a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 7. С. 239-245.
- Иларионов, 1908b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 20. С. 643-648.
- Иларионов, 1908c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 22. С. 702.
- Иларионов, 1908d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 24. С. 641-646.
- Иларионов, 1909a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1909. № 3. С. 70-73.
- Иларионов, 1909b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1909. № 5. С. 125-128.
- Иларионов, 1910a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1910. № 19. С. 420-423.
- Иларионов, 1910b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1910. № 24. С. 541-545.
- Иларионов, 1911** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1911. № 1. С. 146-149.
- Манчестер, Сдвижков, 2019** – *Манчестер Л., Сдвижков Д.* Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: вера и личность в меняющемся обществе / Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века / Сб. статей: под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 5-20.
- Миллер, 2001** – *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // *Новое литературное обозрение.* 2001. № 52. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/> (дата обращения: 26.12.2024).
- Миньяр-Белоручева, 2015** – *Миньяр-Белоручева А.П.* Типология исторического дискурса. Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyag-Beloucheva.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).
- Пашино, 1868** – *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 г. Путевые записки. СПб.: Тип. Таблена, 1868. 176 с.

- Регионы...**, 2021 – Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
- Родигина, 2006** – Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Саид, 2021** – Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
- Сартори, 2022** – Сартори П. Идеи о справедливости. Шариат и культурные изменения в русском Туркестане. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008** – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Фуко, 2011** – Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Чуркин, 2006** – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
- Чуркин, 2024a** – Чуркин М.К. Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2024. Т. 15. № 2. С. 36–53.
- Чуркин, 2024b** – Чуркин М.К. Образ имперского субалтерна в дискурсе travelogov алтайских миссионеров второй половины XIX – начала XX вв. / *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. ст. III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Surgut, 26–27 октября 2023 года*. Surgut: Surgutskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2024. С. 39–44.
- Mamraimov et al., 2024** – Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R. Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425–1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425

References

- Anderson, 2001** – Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. М.: «Kuchkovo pole», 288 p. [in Russian]
- Bassin, 2005** – Bassin, M. (2005). Rossiya mezhdū Evropoi i Aziei: ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: ideological construction of geographical space]. Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let. М. Pp. 277–310. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 68–77. [in Russian]
- Churkin, 2006** – Churkin, M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [Resettlement of peasants from the Black Earth Centre of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determinant factors of migration mobility and adaptation]. Омск: Изд-во ОмГПУ, 376 p. [in Russian]
- Churkin, 2024a** – Churkin, M.K. (2024). Aziatskaya periferiya kak «sobstvennyi vostok Rossii» v diskurse eparkhial'noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Asian periphery as 'Russia's own East' in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 15(2): 36–53. [in Russian]
- Churkin, 2024b** – Churkin, M.K. (2024). Obraz imperskogo subalterna v diskurse travelogov altaiskikh missionerov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The image of the imperial subaltern in the discourse of travelogues of Altai missionaries of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya: Sb. st. III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora N.A. Dvoryashinoi, Surgut, 26–27 oktyabrya 2023 goda*. Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet. Pp. 39–44. [in Russian]
- Fillips, Iorgensen, 2008** – Fillips, N., Iorgensen, M. (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Изд-во «Гуманитарный центр», 352 p. [in Russian]
- Fuko, 2011** – Фуко, М. (2011). Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1977–1978 academic year]. СПб.: Наука, 544 p. [in Russian]

- [Ilarionov, 1911](#) – *Ilarionov, V.* (1911). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1: 146-149. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906a](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 2: 17-19. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906b](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 3: 27-30. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906c](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 4: 39-42. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906d](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 7: 236-241. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907a](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 2: 16-19. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907b](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 4: 26-30. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907c](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 6: 97-100. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907d](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 20: 506-510. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907e](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 642-645. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908a](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 7: 239-245. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908b](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 20: 643-648. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908c](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 22: 702. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908d](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 641-646. [in Russian]
- [Ilarionov, 1909a](#) – *Ilarionov, V.* (1909). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 3: 70-73. [in Russian]
- [Ilarionov, 1909b](#) – *Ilarionov, V.* (1909). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 5: 125-128. [in Russian]
- [Ilarionov, 1910a](#) – *Ilarionov, V.* (1910). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 19: 420-423. [in Russian]
- [Ilarionov, 1910b](#) – *Ilarionov, V.* (1910). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 541-545. [in Russian]
- [Mamraimov et al., 2024](#) – *Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R.* Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- [Manchester, Sdvizhkov, 2019](#) – *Manchester, L., Sdvizhkov, D.* (2019). Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka: vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve [Autobiography and Orthodoxy in Russia of the late 17th – early 20th century: faith and personality in a changing society]. *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka*. Sb. statei: pod red. L. Manchester, D.A. Sdvizhkova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 5-20. [in Russian]
- [Miller, 2001](#) – *Miller, A.I.* (2001). Tema Tsentral'noi Evropy: istoriya, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The theme of Central Europe: history, contemporary discourses and Russia's place in them]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 52. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/> (date of access: 26.12.2024). [in Russian]
- [Min'yar-Beloruicheva, 2015](#) – *Min'yar-Beloruicheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst langpsy.ru*. 2(2). [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloruicheva.shtml> (date of access: 10.01.2025). [in Russian]
- [Pashino, 1868](#) – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskii krai v 1866 g. Putevye zapiski [Turkestan region in 1866. Travelling notes]. SPb.: Tip. Tablena, 176 p. [in Russian]
- [Regiony..., 2021](#) – *Regiony Rossiiskoi imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (na)importance]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 304 p. [in Russian]
- [Remnev, 2004](#) – *Remnev, A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov [Russia of the Far East. Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 552 p. [in Russian]

Rodigina, 2006 – Rodigina, N.N. (2006). «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: NGPU, 343 p. [in Russian]

Said, 2021 – Said, E. (2021). Orientalizm [Orientalism]. M.: Muzei sovremennogo iskusstva Garazh, 560 p. [in Russian]

Sartori, 2022 – Sartori, P. (2022). Idei o spravedlivosti. Shariat i kul'turnye izmeneniya v russkom Turkestane [Ideas on justice. Shariah and cultural changes in Russian Turkestan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 480 p. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

Zamyatin, 2003 – Zamyatin, D.N. (2003). Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. SPb.: Aleteiya, 331 p. [in Russian]

Образ Туркестанского края начала XX в. в дневниковых записях священника В. Иларионова

Асемгуль Муратовна Коскеева^{a, *}, Зибагул Сулейменовна Ильясова^b,
Баршагул Кашкынкызы Исабек^c, Бакыт Салманович Токмурзаев^d

^a Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^c Zhanibekov university, Шымкент, Республика Казахстан

^d Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуется потенциал источников личного происхождения в конструировании образа азиатской периферии Российской империи. Целью настоящей работы является раскрытие представлений служителей церкви о Туркестанском крае с опорой на эго-текст священника В. Иларионова, репрезентирующего Туркестан в системе координат категорий «свой»/«чужой», являющихся основой рецепции региона во властном и общественно-политическом дискурсе. Источниковой базой работы выступает дневник священника, публиковавшийся в 1906–1911 гг. на страницах журнала «Туркестанские епархиальные ведомости». Личный дневник как источник, осваиваемый в статье методом дискурс-анализа, широко применяемым в современном источниковедении, открывает перспективы более полного описания имперских проектов колонизации восточных окраин, а также динамично менявшихся представлений власти и общества об административных задачах в Туркестанском крае и способах их реализации. В процессе исследования выявлены представления священника В. Иларионова о Туркестанском крае в начале XX в.: маркеры, используемые автором дневника для идентификации и отделения «своих» от «чужих»; признаки данных категорий в рецепции деятеля Русской православной церкви. Определены составляющие образа Туркестана в репрезентациях дневника священника, а также факторы, оказавшие влияние на конструирование образа региона в продолжительной временной перспективе. Установлено, что в основе представлений В. Иларионова о Туркестанском крае располагалось инерционное восприятие региона в риторике просветительско-прогрессивной идеологии, предполагавшей «прочтение другого» как нецивилизованного субалтерна, в отношении которого возможно активное культуртрегерство. Вместе с тем погружение в проблемы административно-хозяйственной и социокультурной повседневности Туркестана приводило к переструктурированию представлений о территориальной организации, населении, коммуникативных практиках в границах пространства деятельности Российской империи. Создаваемый автором образ Туркестана выбивался за рамки категорического императива «свой»/«чужой», приобретал черты динамизма, преобразовался в многослойный и противоречивый интеллектуальный конструкт, что в значительной мере свидетельствует о неоднозначности ориенталистского подхода в оценке восточной политики Российской империи в начале XX столетия.

Ключевые слова: Туркестанский край, Восток, образ, представления, личный дневник, «Туркестанские епархиальные ведомости», священник В. Иларионов, репрезентации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: koskeeva@mail.ru (А.М. Коскеева), zita.o8@mail.ru (З.С. Ильясова), b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)